

Воспоминания барышни Мэй, представленные в этой иллюзии, заставили У Няня и Сы Хуая испытать смешанные чувства ужаса и холода. Кто бы мог подумать, что господин Мэй, о котором говорили, что он, потеряв дочь, все еще пытался спасти неверного возлюбленного, на самом деле совершил такое ради сохранения лица.

— Неудивительно, что на крышке гроба были следы крови. Оказывается, она не повесилась, а была заживо похоронена и умерла от удушья.

Проснувшись в гробу после потери сознания, она пыталась звать на помощь, царапая крышку до крови, но не смогла открыть ее, пока не потеряла силы и сознание. Какое отчаяние она испытывала!

У Нянь почувствовал тяжесть на сердце, будто что-то давило на него. Бесконечная тьма и отчаяние раздавили его кости, и дыхание стало учащенным и прерывистым.

Сы Хуай заметил, что его спутник странно себя ведет, поспешил поддержать его, несколько раз спросил, но не получил ответа. Собираясь влить в него внутреннюю энергию, он услышал тихий шепот:

— Амитофо.

— Что с тобой?

— Не знаю, почему, но, думая о том, как барышня Мэй боролась в гробу, я почувствовал сильную боль.

Как будто он сам пережил это.

— Мастер, ты сострадатель и можешь понять ее страдания.

Сы Хуай незаметно убрал руку, поддерживавшую его, и понял, что они вернулись из иллюзии в реальность. Свет лампы по-прежнему был тусклым, а парящая фигура смотрела на тело в гробу, не зная, о чем думать.

— Ян Чанцин вернулся в апреле, а барышня Мэй умерла в феврале. Два целых месяца. Как господин Мэй смог заживо похоронить свою дочь и вести себя так, будто ничего не произошло?

У Нянь покачал головой, не отвечая. Он взял в руки чётки и, прошептав молитву, спросил у призрака барышни Мэй:

— Барышня, у тебя есть неисполненные желания, из-за которых ты остаешься в этом мире?

Барышня Мэй удивленно посмотрела на него, убедившись, что ее слышат, поклонилась и тихо ответила:

— Я хочу снова увидеть Чанцина.

— Разве ты уже не видела его? — спросил Сы Хуай.

Она покачала головой, с грустью в глазах:

— Я вижу его, но не могу прикоснуться. Он знает, что я здесь, но не видит меня. Разве это можно назвать встречей? Я думала, что выйду за него замуж, и у меня было так много слов, которые я хотела сказать ему. Но теперь мы разделены смертью.

— Тогда зачем ты спасаешь его? Пусть твой отец отправит его к тебе, и вы станете парой призраков.

Барышня Мэй горько усмехнулась и спросила в ответ:

— Скажи, господин, ты когда-нибудь любил? С первого взгляда или постепенно — если ты попал в ловушку чувств, ты готов умереть сам, но хочешь, чтобы он жил.

Готова умереть сама, но хочет, чтобы он жил.

Сы Хуай украдкой взглянул на человека рядом с собой и подумал: «Было».

На горизонте запел петух, возвещая рассвет. После дождя утро было прохладным.

Призраки не могут действовать днем, и дух барышни Мэй, проведя ночь в иллюзии и использовав остатки своей обиды, чтобы привести их в свои воспоминания, стал слабым и полупрозрачным под утренним светом.

У Нянь наложил на нее защитный символ и спрятал в своих чётках, скрыв в широких рукавах.

Видимо, барышня Мэй отвлекла часть энергии на иллюзию, и защитное поле в комнате было разрушено практикующими. Однако дверь оставалась закрытой, запертой изнутри.

Когда Сы Хуай и У Нянь вернулись в заброшенный двор, господин Мэй уже ждал их. Его одежда была прежней, видимо, он не спал всю ночь.

Маленький Чэнь И, который всю ночь читал молитвы под карнизом, увидев, что его наставник и Сы Хуай вернулись, поспешил к ним и кратко рассказал о вчерашних событиях, сопровождая их к двери.

— Мастер, — господин Мэй выглядел взволнованным, его глаза были красными от бессонницы.  
— Несколько практикующих сказали, что защитное поле в комнате разрушено, но этот ученый заперся внутри. Может, его что-то одолело?

«Нечисть — это ведь твоя дочь», — подумали Сы Хуай и Чэнь И, но не сказали вслух.

— Он не знает, что мы здесь, чтобы спасти его. Как он может выйти? — У Нянь вежливо ответил, прикрывая своим телом взгляды остальных, и тихо сказал господину Мэю. — Барышня Мэй отпустила свои обиды. Пожалуйста, отпустите господина Ян, чтобы она могла спокойно отправиться в иной мир.

Господин Мэй замер, затем тихо спросил:

— Мастер, что ты имеешь в виду?

— Господин Мэй, ты отец барышни, она не может ненавидеть тебя. Все эти призрачные события были лишь попыткой защитить того, кого она любит. Ты знаешь, как все было на самом деле, и я лишь передаю ее слова, прося отпустить господина Ян.

— Она... — господин Мэй не мог поверить, его губы дрожали, а глаза наполнились слезами. — Она что-то еще сказала?

— Барышня просила передать: «Мир жесток, позаботься о себе».

Господин Мэй сдавленно всхлипнул, кивнул и, дрожащей рукой поманив слуг, покинул заброшенный двор.

Каким бы влиятельным он ни был в мире бизнеса, сейчас он был просто стариком, потерявшим единственную дочь.

Сы Хуай смотрел, как У Нянь тихо читает молитвы, зная, что его сострадание снова взяло верх. Но он ничего не сказал. Ведь человек, заживо похоронивший свою дочь, как бы он ни был жалок, не заслуживает оправдания.

У Нянь почувствовал взгляд на себе, но лишь погладил маленького Чэнь И по голове и, подойдя к двери, постучал.

— Амиитофо. Я пришел по просьбе барышни Мэй, чтобы помочь вам встретиться.

Человек внутри, кажется, прислонился к двери, и, услышав эти слова, сразу же зашевелился. Раздался звук отодвигаемого засова, и давно не открывавшаяся дверь со скрипом распахнулась.

Человек в одежде ученого выглянул наружу. Его лицо было бледным, но почти таким же, как в иллюзии, лишь немного похудевшим.

Ян Чанцин внимательно посмотрел на монаха и неуверенно спросил:

— Вы... Вы можете помочь мне снова увидеть ее? Я знаю, что она здесь, в картине, которую я нарисовал для нее. Я хочу увидеть ее, я... я...

— Амиитофо, господин, даже если вы увидите ее снова, вы все равно разделены смертью.

— Но я хочу увидеть ее. У меня так много слов, которые я не успел сказать. Я обещал жениться на ней, но мы не успели обменяться клятвами.

У Нянь тяжело вздохнул, достал чётки из рукава и, встряхнув их, начал перебирать, а другой рукой незаметно высыпал горсть пепла в руку Ян Чанцина.

— Приготовь чай и выпей его, и ты увидишь ее. У тебя будет один час.

Сказав это, он кивнул, прошептал несколько непонятных молитв и, произнеся «Амиитофо», повернулся и ушел с маленьким монахом.

Практикующие, стоявшие рядом, не понимали, что произошло, но почувствовали, что этот монах действительно обладает способностями, и, восхищаясь, поспешили за ним, чтобы узнать подробности вчерашних событий.

Сы Хуай вежливо кивнул Ян Чанцину на прощание, и, уходя, его взгляд скользнул по пеплу в руке Ян Чанцина. Чувство тошноты поднялось из желудка к горлу.

Неужели, спустя сотни лет, даже побывав в преисподней, этот монах все еще заставляет людей пить пепел.

В соседней комнате группа практикующих окружила У Няня, расспрашивая о вчерашних событиях. Шум был громким и беспорядочным. Сы Хуай закрыл окно и лег на кровать.

Разобравшись с делом барышни Мэй, ему пора уходить, не так ли?

Сы Хуай прикрыл глаза рукой, чувствуя сложную смесь эмоций.

Он тоже хотел, как барышня Мэй, увидеть его снова, даже если это будет лишь чашка чая и несколько слов, или просто молчание.

Но он не мог.

В прошлой жизни из-за него Лин Цзюнь получил вечное проклятие от людей и отказался от своих заслуг. В этой жизни, встретив его снова, он должен держаться подальше. Возможно, через несколько десятилетий буддийские ученики снова займут свое место среди ста кланов заклинателей, люди искренне обратятся к буддизму, и никто не вспомнит о позоре буддизма сотни лет назад.

Если возможно, просто издали посмотреть на него и защитить его — этого достаточно, чтобы оправдать их встречу в этой жизни.

Я — хранитель черновиков: автору непросто писать, если нравится — оставляйте комментарии.

<http://bllate.org/book/16805/1545776>